

* * *

*Кружевом на берёзах
Инея бахрома.
Съёжившись от мороза,
Стынут в снегах дома.
Тих воробьиный лепет
У колеи дорог.
От холода месяц в небе
Гнётся в бараний рог.
Возле промёрзших окон,
Зол и на солнце скуп,
Старый декабрь протопал,
Уйдя с головой в тулуп.*

* * *

*Ещё в деревьях дремлют соки,
Но верю, времечко придёт,
Когда на заспанной протоке
Взломают хариусы лёд.
Наброшу крепкую рубаху,
Которую мне сшила мать.
Как нож, удилице с размаха
Всажу в чехол по рукоять.
Бочагой мшистой за деревню
В рассвет брусничный убегу,
И будут древние деревья
Мне песни петь на берегу.*

*В краю лосей и незабудок,
Бредя протокой по тайге,
Вынашивать я лето буду
В своём зелёном рюкзаке.*

* * *

*Землю выстелила пороша.
А в душе беспокойно так...
Все дела я свои заброшу
И с утра уйду на большак.
Под распахнутый полушубок
Будет ветер сердито лезть.
И приду я, где лесорубы
У дороги трелюют лес.
Чуб под шапку запрячу влажный,
Полушубок сниму не спеша.
И наполнится чем-то важным
Стосковавшаяся душа.
Будут брёвна ложиться в штабель
И лицо жечь мороз-огонь.
И налипнет смола густая
На мозолистую ладонь.
Над тайгою заря повиснет,
Шапки выкрасит кедрачу.
И пойму я:
Мне в этой жизни
Очень многое по плечу.*

ЛОСЬ

Чащею,
Кочкастою тропой
Лось пришёл к реке на водопой.
И губами втягивал рогач
В воду опрокинутый кедрач.
Грянул выстрел.
Вздрыгнула тайга.
И поддел зверь небо на рога.
Вздыбился, и яростен, и зол.
И копытом солнце расколот.
Затрубил
И немощно умолк,
И колени врезались в песок.
...Стыли непричастные к беде
Кедры, отражённые в воде.

* * *

И когда мне пасмурно да тесно,
И когда исхода нет тоске,
Уплываю, будто в неизвестность,
На лодчонке утлой по реке.

Солнышко устало опустилось
В зыбкую речную глубину,
И весло крылатое вполсилы
Шевелит вечернюю волну.

Я плыву вдоль берега неспешно,
А во мне сумбур и кавардак:
Может, в чём-то я нещадно грешен,
Может, сделал что-то я не так?

Может, сам с собою не поладя,
Я не так, совсем не так живу.
И куда же это на ночь глядя
Я на утлой лодочке плыву?

Поначалу робко и нелепо,
А затем вдруг, ослепив глаза,
В глубине угаснувшего неба
Крупно обозначится звезда.

И в груди заходит сердце ходко,
И опять настырный я, хоть режь,

Круто разворачиваю лодку
И веслом врезаюсь в пенный стриж.

Все мои сомненья за спиною,
И любое горе не беда.
А в белёсой пене подо мною
Крупная качается звезда.

* * *

Через грязь, через лужи, через грех на веку
По бесчисленным душам я себя волоку.
Как сквозь строй неминучий зла и ярой любви,
От шпицрутенов жгучих весь в рубцах и крови.

Нуют бранные кости, от натуги звеня,
Уж давно на погосте отдыхает родня.
О, всевышняя участь – каждый час, каждый миг,
Сердце вывернув, мучась, умирать за других!

Умирать и рождаться, чтобы гибнуть опять,
И опять продираться, и навстречу, и вспять,
И тащить, как вначале, за собой в поводу
И чужие печали, и чужую беду.

Слышать вопли вдогонку да удары хлыстом.
Отвернуть бы в сторонку и уснуть под кустом.
Только чреву в угоду, как хребтину не горбь,
Ни мирскую заботу, ни вселенскую скорбь
Не стряхнёшь.

Лишь в награду кровью каюсь в пути,
Поднимаюсь, чтоб падать, вновь встаю,
Чтоб идти.

* * *

Я опять тебя не встретил –
Знать, судьбы укор...
Одинокий треплет ветер
Мой ночной костёр.
Между нами темь и стужа,
Между нами дождь.
Разлилась тоска по лужам,
Где меня ты ждёшь.
Если к сроку не приеду,
Не кори меня,
Отыщи меня по следу
Ветра и огня.

